

ЕВА НИКОЛЬСКАЯ

Кристина Зимняя

Честное волшебное! **или**
ВЕДЬМА, КОШКА И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Ева Никольская

**Честное волшебное! или Ведьма,
кошка и прочие неприятности**

«Ева Никольская»

2016

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Никольская Е. Г.

Честное волшебное! или Ведьма, кошка и прочие неприятности /
Е. Г. Никольская — «Ева Никольская», 2016

ISBN 978-5-9922-2305-7

Неприятности никогда не приходят поодиночке! Сперва в похоронное бюро отставного жнеца смерти въехала в лиловом гробу ведьма, разыгравшая свою смерть. Следом явилась черная кошка, а потом такое началось, что о привычном спокойствии оставалось только мечтать. Но если ведьма мила, обаятельна и полна энтузиазма, кошка – обезоруживающе ласкова и их присутствие делает жизнь окружающих ярче и интересней, то, может, это не неприятности вовсе, а самые что ни на есть приключения? Ради них можно и воцарившийся в бюро хаос простить, и вереницу визитеров не заметить, и на личную жизнь ведьмы глаза закрыть.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2305-7

© Никольская Е. Г., 2016
© Ева Никольская, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ева Никольская, Кристина Зимняя

Честное волшебное! или Ведьма, кошка и прочие неприятности

Глава 1

На одной из тихих улочек Готрэйма¹

Ветер пролетел по узкой улочке, выложенной грубо отесанными камнями, поиграл тонкими стеблями вьюнков на подоконниках, ласково погладил остроконечные крыши и устремился прочь, оставляя за собой мерно качающиеся на цепях фонари и вывески. На одной из них – массивной, из потемневшего от времени дерева – изящная вязь металлических букв складывалась в фразу: «ПБ «Последний цветок». Надпись на двери была куда прозаичнее и скромнее: слова, вырезанные чуть ниже небольшого окошка, в настоящий момент прикрытого изнутри заслонкой, всего лишь сообщали всем желающим о круглосуточном режиме работы загадочного «ПБ». На неоштукатуренной стене чуть правее входа имелась обведенная рамочкой инструкция:

«Дерни за веревочку! – Далее следовало изображение радушно оскаленного черепа и приписка, явно сделанная от руки: – Если ты по делу!»

Слева и справа от двери чернели провалы узких витражей. Если бы кто-то в столь поздний час рискнул заглянуть сквозь разноцветные стекла, то был бы глубоко разочарован царившей внутри темнотой. Но любители погулять в этой части города после полуночи, к счастью, встречались редко. Совсем иной вид открывался через хорошо освещенное стрельчатое окно, выходящее во внутренний дворик мрачноватого с виду здания.

В длинном помещении с низким потолком за массивным столом сидел мужчина в черной одежде и, склонив голову, методично вычеркивал строки в огромной счетной книге. За резной спинкой его кресла, недвусмысленно намекая на род деятельности, висел гобелен с тщательно вытканной лопатой. Красивой, серебристой, с толстой рукоятью, элегантно украшенной серебристым же орнаментом. Если долго смотреть, эта самая лопата начинала напоминать не то меч, не то крест – любимый символ богини-сестры², что в общем-то весьма соответствовало интерьеру похоронного бюро. А если кому-то и этого знака не хватало для того, чтобы проникнуться местной атмосферой, то последние сомнения рассеивались при взгляде на стойку с лентами да на стеллаж с венками, траурными гирляндами и букетами искусственных цветов, а главное, на ряд пустых черных ящиков на специальных постаментах, выстроившихся вдоль стены.

Впрочем, один из гробов был не пустым и не черным. Его привезли утром вместе с телом, попросили обтянуть лиловой тканью и украсить, а также организовать завтра скромные похороны на городском кладбище. И хотя гробовщик не очень-то любил цветную обивку, считая черную масть торжественной и мрачной, а потому наиболее подходящей для траурной церемонии, он принял и этот заказ.

Захлопнув книгу, мужчина отложил ее в сторону, поднялся и направился к шкафу в углу комнаты – его полки были заставлены такими же толстыми томами и прикрыты створками из темного стекла. Владелец похоронного бюро любил порядок во всем. Порядок, покой, одиночество, ночную тишину и легкий флер тлена, сопровождающий работу с покойниками, кото-

¹ Готрэйм – главный город острова.

² Богиня-сестра – богиня смерти Сайма.

рые так напоминали ему о прошлом. С бумажными делами на сегодня он закончил, а значит, настало время заняться куда более приятными обязанностями. Придирчиво перебрав ворох лент и коробочки с тряпичными цветами, он вооружился гвоздострелом и принялся старательно украшать крышку гроба, который следовало подготовить к утру. Процесс был несложным, но в определенном смысле творческим. Недавно приобретенная новая модель рабочего инструмента удобно лежала в руке и, в отличие от своего предшественника, стреляла крохотными гвоздиками почти бесшумно.

– Итак... Двойная кайма из присборенных шелковых лент по периметру гроба... – прочитал мастер запись, сделанную на вырванном из блокнота листе. Станный шорох отвлек его внимание, но, оглядевшись, гробовщик списал непонятный звук на происки крыс, вернувшихся после недавней травли в его мрачную обитель. – Что дальше? Окантованные белыми ромашками даты рождения и смерти в ногах, хм... несколько вульгарно, но раз так хочет вдова усопшего... – проворчал он, доставая со стеллажа нужную коробку.

Высыпав белые тряпичные цветы на черный гроб, мужчина аккуратно разложил их вокруг таблички и принялся пристреливать к обтянутому атласом дереву. Затем достал из мраморной урны, временно служившей вазой, большую алую розу и, приколов ее посередине крышки, отошел на шаг, чтобы полюбоваться результатами своего труда. Покачивая головой, помянул недобрым словом пристрастия заказчицы, но, учитывая, что кроме скверного вкуса у той есть еще и увесистый кошель, сдернул с крюка один из тонких серебристых жгутов и приступил к формированию под красным цветком довольно крупной надписи: «Мы любили тебя, Ки...»

– Как там звать-то тебя, приятель? – пробормотал гробовщик. Он оставил в покое будущее прибежище некоего «Ки...» и потянулся за листком бумаги, висящим на стене, чтобы в очередной раз свериться со схемой.

В этот самый момент на смену притихшему некоторое время назад шороху пришло довольно ритмичное постукивание. Тук... тук-тук. Тук... тук-тук...

«Умная крыса, – подумал мужчина, задумчиво глядя в сторону, откуда доносились звуки, – и музыкальная. – За скромным стуком последовала серия сильных ударов. – Большая крыса... – А потом ударов с явным металлическим отзвуком. – И вооруженная».

Черная бровь хозяина ПБ стремительно поползла вверх, пальцы застыли, не коснувшись схемы, а гвоздострел едва не полетел на пол, однако был вовремя подхвачен отточенным движением хорошо тренированной руки.

Минимум час (а то и два-три) ежедневно владелец «Последнего цветка» проводил, упражняясь с оружием или способными оное заменить подручными инструментами. Он родился магом. Вот только от дара³ его в какой-нибудь переделке проку не было. А деньги, которых у довольно богатого мужчины водилось немало, очень уж притягивали всяких темных личностей, охочих до легкой наживы. Потому находиться в хорошей физической форме этот

³ **Дар** – всех чародеев принято классифицировать по назначению способностей и именовать по цвету их дара. Когда-то давно, когда маги только начали заряжать своими чарами свель из измельченного лаурита (прозрачного горного камня, который довольно легко добыть в пещерах), пыльца меняла цвет. В руках магов огня она становилась алой, у магов-травников – зеленой и т. д. Отсюда и пошла традиция называть чародеев цветом их дара (красный маг, лиловая ведьма, синий маг и т. д.). Даже в женской школе ведьм и мужской школе магов факультеты имели названия цветов. А вот специальности маги с похожим даром могли выбрать разные. Например, из тех же красных (огненных) чародеев получались и отличные пожарные, способные как разжечь, так и потушить магией пламя, и боевые маги, и те, кто отвечал за тепло в домах, заряжая прозрачную лауритовую пыльцу своим даром. Цвет, соответствующий дару, не только фигурирует в названии ведьмы или мага, но и в ее или его форменной одежде (впрочем, и другие вещи магов обычно содержат любимый колер, так как носитель цветной магии интуитивно тянется к оттенкам своего цвета). Примеры магов: зеленый – магия растений, желтый – магия света, красный – магия огня, цвет морской волны – магия воды, лиловый – магия иллюзий, голубой – магия воздуха, золотой – магия истины, темно-синий – некромантия, коричневый – магия земли, серый (стальной) – магия металла, дымчатый – магия душ. Черный и белый – нейтральные цвета, не имеющие соответствующего вида магии. Поэтому они еще часто используются в костюмах тех магов, которые желают скрыть свой дар. А также в одеждах служителей божественного триумвирата.

человек считал едва ли не таким же важным делом, как поддерживать безупречную репутацию собственной конторы. Вот и сейчас, судя по всему, настало время «вежливо» пообщаться с очередным воришкой, вломившимся в дом через... кхм, а интересный способ проникновения у нынешних грабителей! Ни дать ни взять виртуозы своего дела!

Подойдя ближе к обтянутому лиловым атласом гробу, похоронных дел мастер прислонился спиной к стене и, скрестив на груди руки, в одной из которых по-прежнему держал гвоздострел, с интересом уставился на гроб. За работу с ним рассчитывалась пожилая заказчица с заплаканным морщинистым лицом. Сказала, что внучка хозяйки подхватила неведомую болезнь, покрылась вся язвами и померла. Ну-ну. А такая милая вроде старушка была, профессионально горе разыгрывала... по виду и не скажешь, что сообщница преступника! Да и сопроводительные бумаги от лекаря к закрытому гробу прилагались.

Из глубины ящика раздался очередной удар, сильно походивший на звук вгрызающегося в дерево лезвия. Затем еще и еще... Тяжелая крышка жалобно крикнула и... шевельнулась. Мужчина задумчиво почесал гладко выбритый подбородок, не делая никаких попыток помочь новоявленному зомби. Еще несколько ударов, подозрительный треск, и крышка гроба, поддавшись, полетела-таки на пол, потревожив глухим «бу-бум-м-м» тишину рабочего зала. Длинноволосый «труп» с лиловыми разводами под вытаращенными глазами стремительно сел на своем окрашенном в те же тона ложе и принялся озираться. Черный корсет обтягивал торс, полосатые чулки – ноги, а бледные пальцы – без каких-либо намеков на язвы – крепко держали топор.

– Кхе-кхе! – деликатно кашлянул мужчина за спиной «покойницы». Ну надо же... и правда «внучка». Хотя кто этих лиловых колдунов разберет? Они себе и в семьдесят мордочку пятнадцатилетней «нарисовать» могут.

«Покойница» вздрогнула и повернулась в его сторону. Гробовщик скользнул взглядом по перепуганному личику без малейших признаков мифической болезни, но с явным отпечатком решимости, по стройной фигурке в одеянии выпускницы лилового факультета ведьм, уделил особое внимание трепетно прижимаемому к груди топору, слегка покореженной крышке гроба, одиноко валявшейся на полу, и... недобро так хмыкнул.

– Госпожа Джимджеммайна из семьи Аттамс? – воскресив в памяти имя клиентки, осведомился он.

– Джимджеммайла, – осторожно поправила его воскресшая особа и покосилась на свое увесистое оружие. В тонких девичьих руках оно смотрелось нелепо.

– Не важно, – сказал мастер, отталкиваясь плечом от стены и демонстративно взвешивая в руке гвоздострел.

В его практике, конечно, были случаи, когда безутешные родственники клали в гроб любимых покойников деньги, украшения, семейные портреты и даже музыкальные колокольчики, чтоб на том свете не скучно было, но... топоры и прочие колюще-режуще-рубящие предметы у хрупких девиц пока ему обнаруживать не доводилось. Она же не воин какой-нибудь с ритуальным ножом на поясе. А значит, догадка про спланированное ограбление была верной. Или нет?

Медленно проведя гвоздострелом сверху вниз, затем справа налево, гробовщик вздохнул. Девчонка не упала и не забилась в судорогах, только глаз ее с жуткими лиловыми тенями как-то странно дернулся, пока она внимательно наблюдала за движениями мужчины. Ну что ж, раз знак Саймы на нее не подействовал, значит, «живая покойница» – вовсе не сюрприз от полоумного некроманта, проживающего в начале улицы, а всего лишь воровка... с топором. Да уж, о времена, о нравы!

– А вы сейчас что... – начала шепотом ведьмочка, косясь на гвоздострел, – меня крестом богини-сестры осенили... с помощью этой штуки? – Она опасливо кивнула на инструмент и невольно сглотнула.

– За неимением святой воды из храма богини-матери⁴ приходится пользоваться обычными гвоздями, – зловеще улыбнулся ей собеседник. – Безотказное средство, знаешь ли. И для нечисти... и для воров.

– Я не воровка! – воскликнула она и, продолжая удерживать топор одной рукой, будто планировала им отбиваться от упомянутых гвоздей, начала шарить свободной ладонью за спиной. Гробовщик прищурился, ожидая результата ее поисков, а потом едва заметно поморщился, когда девчонка достала большую остроконечную шляпу с лиловой лентой вокруг тульи и, нахлобучив колпак на голову, гордо сообщила: – Я честная ведьма!

– Угу, которая предпочитает спать в закрытом гробу, – саркастически заметил хозяин ПБ.

– Иногда, знаете ли, приходится, – обиженно пробурчала она.

– Выспалась? – покачав головой, поинтересовался мужчина.

– Да!

– Вот и славно. Выход там! – Он указал направление гвоздострелом и, потеряв интерес к «честной ведьме», неспешной походкой направился к недоукрашенному гробу.

Демонстрировать свои воинские таланты ему не хотелось. Ибо не так и много мужской силы требовалось, чтобы душонку из этого хрупкого создания вытряхнуть. Пусть идет с миром, раз честная... поверим на слово. А топор может и оставить, в хозяйстве пригодится. Гробовщику ведь еще крышку гроба латать да список претензий к заказчице сочинять. Шутка ли дело! Эта коварная карга под видом заразного мертвеца в заколоченном ящике подсунула ему живую ведьму. А если б она не проснулась и он ее закопал?!

Девушка тем временем немного подумала и решительно заявила:

– Никуда я не пойду!

Похоронных дел мастер замер на полушаге, медленно обернулся и спокойно проговорил:

– Тогда ложись обратно, Джимджеммайла.

– Джимджеммайла! – воскликнула ведьма.

– Да хоть Джимджеммила, – пожал плечами хозяин ПБ. – Ложись! Утром вынесут. – И как ни в чем не бывало вернулся к прерванному занятию. – Только крышку закрой поплотнее, – добавил, продолжая выкладывать буквы из серебристого жгута на черной обивке другого гроба. – Я, так и быть, забью.

Три часа спустя

В подвальном помещении было сыро, от голых стен, покрытых специальной краской, исходило зеленоватое свечение. Босые, если не считать шерстяных чулок в полоску, ноги девушки отчаянно мерзли. Но ведьмочка не хотела действовать на нервы и без того негостеприимному хозяину, «громыхая своими калошами», как он изволил назвать ее новые туфли. Очнувшись не в разрытой могиле, а в похоронном бюро этого нелюдимого типа, за которым уже лет пять как закрепилась слава лучшего гробовщика Готрэйма, Джимджеммайла решила, что богиня дала ей шанс, и... принялась за уговоры.

– Я вам совсем не помешаю! Честно-честно! – горячо заверяла она, тиская в руках до блеска начищенную обувь. Хорошо еще, что подошвы были чистые. В гроб ее, как следовало, уложили не в абы какой одежде, а в парадном одеянии дипломированной лиловой ведьмы. Спасибо, что не в свадебном платье, как других девиц, скончавшихся незамужними. Хотя, судя по тому, как кривилась физиономия собеседника при каждом упоминании ее профессии, лучше бы в свадебном! – Марной клянусь, не помешаю!

⁴ Богиня-мать – богиня магии Марна.

– Да хоть всем божественным триумвиратом⁵! – отозвался мужчина, невозмутимо засыпая желтую свель⁶ в погасшую настенную лампу. Золотистые частицы волшебной пылицы, смешавшись с газом в колбе, тут же засветились, озаряя мрачное помещение приятным светом.

– Я готовить умею! – с надеждой сообщила девушка, продолжая стоически подпирать спиной холодную стену. – Иногда даже есть можно, – добавила где-то на грани слышимости.

– Готовить? – Он хмыкнул. – И что, Джемма, ты умеешь готовить? Варенье?

– Малиновое, клубничное, ассорти и... – начала скороговоркой перечислять она, надеясь, что от такой поварахи он не откажется.

– Я сладкого не ем. – Одной фразой бесчувственный тип свел на нет все ее планы. – Они, – он кивнул в сторону пронумерованных ячеек хладокамеры, – тоже!

– А суп? – схватила за новую соломинку ведьмочка. – Мясной, вку-у-у-усный!

– Из человечины умеешь? – бросив на нее заинтересованный взгляд, спросил мужчина.

Позеленев, ведьма выдавила:

– Я попробую... сумею. – Затем более уверенно добавила: – Если вы такое блюдо любите. – И тут же перешла на любимую «песню»: – Только, пожалуйста, возьмите меня в помощницы, дьер⁷ гробовщик!

– Дьера недопокойница, мне не нужна помощница, – в который раз повторил он, отворачиваясь, чтобы эта ненормальная приставала не заметила играющую на его губах улыбку. В том, что ее возраст соответствует датам, которые следовало написать на лиловом гробу, сомнений больше не было. – Тем более такая глупая, что уже три часа как этого понять не может! А особенно мне не нужен этот проклятый колпак в доме!

– Я выброшу! – Перекинув обе туфли в одну руку, девушка стянула с головы практически не ношенную шляпу, с сожалением посмотрела на нее, смяла и спрятала за спину. – Сожгу! Честное волшебное!

– С головой? – хмыкнул гробовщик.

– Э-э-э? – не до конца поняла его гостя. Ну или сделала вид, что не поняла.

– Мне не нужна в доме ведьма! – предельно ясно выразился он.

– А... – Она замялась, лихорадочно соображая, какой еще довод привести в свою пользу. – А у меня еще лицензии нет! – выдала, гордо вздернув подбородок: раньше бы и не подумала, что этим можно хвастаться, а тут вон как кстати получилось.

– Тем более ведьма-недоучка, – остудил ее радость хозяин ПБ.

– А я... я дом охранять буду по ночам! – не придумав ничего лучшего, предложила девушка.

– Лаять по-собачьи умеешь? Или зареванной физиономией планируешь темных личностей распугивать? – не скрывая насмешки, полюбопытствовал мужчина. Из-за ехидной ухмылки и целого ряда золотых колец в ухе он стал напоминать ей пирата. – А может, станешь отстреливать всех подряд прицельным метанием обуви?

– Топором! – прижав к груди туфли, заявила ведьмочка.

– Метанием топора? – изогнув черную бровь в фальшивом изумлении, переспросил гробовщик. – А кто потом будет соседям разбитые витражи оплачивать?

– Пуганием топора! – окончательно запутавшись в сути их диалога, выкрикнула девушка.

– И зачем мне напуганный топор? – вздохнул мужчина и снова отвернулся.

⁵ **Триумвират** – трио верховных богов: бога жизни, богини магии и богини смерти, которые также известны под именами Жиль, Марна и Сайма. Жизнь и Магия считаются родоначальниками всего живого в мире. Представляются в виде супружеской пары. Смерть – в образе сестры бога жизни.

⁶ **Свель** – волшебная пылица, которую заряжают маги своим волшебством. Есть желтая свель, лиловая, зеленая и т. д. Так, например, на золотистой свели, заряженной желтыми магами, работает большинство источников света: фонари, лампы, световые палочки и прочее.

⁷ **Дьер, дьера** – вежливые обращения к мужчине и женщине, принятые в обществе.

В черных, как бездна, глазах его плясали золотистые смешинки, а уголки рта едва заметно подрагивали, готовые растянуться в улыбке. Эта «честная ведьма» со сладким именем Джемма забавляла его своими продолжительными уговорами и нелепыми попытками заинтересовать, только поэтому он до сих пор не взял ее за шкурку и не вышвырнул на улицу, ну... или не вызвал сюда горгон⁸ вместе с безутешными родственниками воскресшей покойницы.

– Ну не выгоняйте же вы меня, дьер гробовщик! – взывала гостя из гроба и, плюхнувшись на холодный пол, положила рядом и туфли, и потерявшую презентабельный вид шляпу. – Мне правда очень нужны работа и место, где бы меня никто не нашел. Я все что угодно делать буду!

– Все? Хм...

Утром следующего дня

На одной из аллей городского кладбища, в тени раскидистого клена, в зеленой кроне которого уже виднелись золотые листья, было куда уютнее, чем среди массивных крестов⁹, белокаменных плит и традиционных серн¹⁰. Похожие на миниатюрные пирамиды, они росли возле большинства могил и походили, особенно в полумраке, на молчаливых часовых, охраняющих вечный сон мертвецов. Их мелкие темно-серые иголки испускали в темноте едкое вещество, которое освещало некрополь и отгоняло нечисть. Но защитить людей от лучей дневного светила эти полутораметровые деревья-карлики были не способны, да и смотрелись они, на вкус дьера Дорэ, весьма убого.

Гробовщик стоял, прислонившись спиной к шершавому стволу, и задумчивым взглядом изучал окрестности. Все-таки северные кладбища с их однообразными рядами поросших мхом плит или даже засаженные кустами и деревьями так, что и могил не видно, нравились ему куда больше этого помпезного убожества, присущего южным захоронениям. Все здесь было слишком приукрашено и оттого напоминало набор декораций, а не настоящий некрополь. Только образующие крест главные аллеи в обрамлении раскидистых кленов-великанов более-менее соответствовали эстетическим вкусам Эдгарда.

Кладбище у Южных ворот, на которое он явился по собственной инициативе, оставляло желать лучшего днем, чего уж говорить про ночи! Нет, пелена мерцающего тумана, нестерпимо воняющая хвоей серн, конечно, смотрелась эффектно, когда стелилась по земле, подсвечивая пейзаж, но... разве можно в таких условиях кого-то тайно открыть? Или обряд во имя Саймы провести? Да просто выпить чего-нибудь крепкого, помянув мертвецов! Тьфу!

Мужчина скривился и жестом подозвал к себе рабочих. Когда те подошли, гробовщик снял с пояса четыре аккуратных мешочка и раздал каждому. По традиции он выплачивал вторую часть суммы, о которой договаривался с наемниками, после выполнения работы. Качественного выполнения! Сегодня ребята потрудились на славу. Впрочем, они никогда его не подводили. Гроб, обтянутый вульгарной лиловой тканью, был торжественно опущен в свежевырытую могилу под плач и скорбные вздохи собравшихся. А затем благополучно засыпан землей, цветами и венками с шелковыми лентами, на каждой из которых красовалась какая-нибудь пафосно-скорбная надпись. Некоторые из провожающих уже начали потихоньку расходиться, другие продолжали стоять. Кто всхлипывал, кто шепотом переговаривался, а кто и просто молчал. Жрица из храма Саймы, закончив читать отходную молитву, о чем-то тихо беседовала с высокой дьерой в длинном черном платье и широкополой шляпе с вуалью. Делать владельцу ПБ тут больше было нечего, но уходить он почему-то не спешил.

⁸ **Горгоны** – сокращение от Городских Гончих, как называют стражей порядка в Готрэйме и других городах.

⁹ **Крест** – символ богини смерти.

¹⁰ **Серн** – название дерева с серой кроной, которая испускает в темное время суток пахнущую хвоей мерцающую дымку, отпугивающую нечисть и подсвечивающую пейзаж.

«А славное Джемме досталось местечко, – думал мужчина, продолжая подпирать спиной клен, – не где-нибудь в углу у кованой ограды, а в центре... почти у самого перекрестья аллей. Кто же это так раскошелился? – Скользя взглядом по толпе присутствующих, гробовщик хмыкнул. – Бабуля, закапавшая накануне слезами мою контору? Не-э-эт. Судя по одежде, это экономка дома Аттамсов. Кучка девчонок в остроконечных колпаках, активно размазывающих по щекам соленую влагу? Тоже маловероятно. Эти не потянут, даже если всем факультетом скинутся! Хотя если всем, то потянут, но... вряд ли скинутся. И кто же тогда? Та чопорная до тошноты особа, похожая на сушеную воблу, по надменной физиономии которой так и тянет съездить лопатой, чтобы приобрела выражение попроще? Как только молоденькая жрица умудряется сохранять спокойствие, общаясь с подобными людьми! Впрочем, это ее работа, чему тут удивляться?»

Эдгард Дорэ как-то болезненно усмехнулся, окинув взглядом белые одежды девушки с серебряными крестами на груди и на головном уборе специфической формы, напоминающем перевернутый полумесяц. Затем снова оценивающе посмотрел на дьеру в шляпе, и новая усмешка исказила его узкое лицо, на котором, словно два омута, чернели глубоко посаженные темные глаза. Эта женщина либо зарыла бы девчонку под собственным крыльцом, чтобы зря деньги не тратить, либо устроила ей похороны столетия, но только в том случае, если Джемма из ее любимчиков. То была бы церемония с ритуальными песнопениями, общегородским трауром и лентами скорби на каждой мимо пробегающей собаке. Ну и? Кто же тогда остается? Неужто тот долговязый мужик с изрядно помятой физиономией, что с трудом сохраняет вертикальное положение, опираясь на трезвых и хмурых друзей? Из присутствующих больше некому. Что-то там ведьма говорила про мужа сестры. Видимо, он и есть. Странно, что его супруги не видать. Или у нее тоже... «неизлечимая» болезнь?

«М-да... – мысленно протянул гробовщик, постукивая указательным пальцем по черной трости с серебряным набалдашником в виде львиной головы. – Не врала, похоже, девчонка о домашних проблемах! С такой-то семейкой!» – Он хмыкнул, немного еще понаблюдая за гостями и наконец решил, что пора бы и в привычную тишину любимой конторы вернуться.

– Злорадствуешь, Гард?! – раздался за его плечом звонкий девичий голос. Такой знакомый и в то же время чуть-чуть подзабытый. Сколько же лет он не слышал его? Восемь? Десять? А сколько из них жаждал вновь услышать?

Чтобы справиться с накатившей волной не свойственных ему эмоций, дьер Дорэ помедлил пару секунд и только после этого обернулся.

– Я злорадствую? С чего бы? – с невозмутимым видом поинтересовался он, глядя на фигурку без лица, испускающую ровный белый свет. Будь она полупрозрачной, наверняка бы напоминала привидение, выскользнувшее из-под могильной плиты. – Давно не виделись, Дис, – добавил гробовщик тихо. Сердце его учащенно билось под черным жилетом выходного костюма, но, силой воли уняв волнение, мужчина надел на лицо маску равнодушия и вежливо проговорил: – Чем обязан столь высокому визиту?

– Не стыдно тебе, а, Гард? – На месте белого пятна, обрамленного того же цвета волосами, начали проступать очертания: нос-кнопка, маленький ротик, миндалевидные очи неестественно-синего цвета и брови вразлет. Очаровательное дитя лет одиннадцати на вид... Если б не однообразная цветовая гамма, лед во взгляде и пара коротких мечей в ножнах за спиной, Дис именно так бы и воспринималась.

– Мне? – Черные глаза мужчины сузились, а правый уголок губ чуть приподнялся в кривой ухмылке. – С чего бы?

– Ну как же? – Мерцающая девочка скрестила на груди руки и, склонив голову к плечу, принялась с любопытством рассматривать расходящуюся толпу. – Тебе ли не знать, что Сайму

провести невозможно! Джимджеммайлы Аттамс нет в списках, которые я отдаю жнецам¹¹. Скажи мне, это ты сам придумал или подсказал кто? – скосив на него глаза, любопытствовала она. – Решил таким образом досадить нам и отыгаться за свою преждевременную отставку? – Пухлые губки этого бледного создания растянулись в не самой приятной улыбке. – Это глупо, Гард! Чего ты добьешься? Доставишь неприятности храму богини-сестры? Так он все равно свое возьмет! Я поставлю в известность о вашей аванюре старшую жрицу, и она вытрясет из Аттамсов откупные или объявит девчонку в розыск. Правда вскроется, и скоро. Ты серьезно хочешь испортить свою репутацию из-за очередной ведьмы? – Тонкая белая бровь вопросительно приподнялась, а в горящих синевой глазах мелькнуло странное выражение.

– Нет, – крепче стиснув любимую трость, ответил мужчина.

– Тогда зачем? – продолжала допытываться Дис.

– Может, я просто надеялся увидеть тебя, моя лучезарная? – подарив ей вполне дружескую улыбку, сказал он.

– Дурак! – фыркнула девочка и рассмеялась. Звонко, задорно... и в то же время холодно, словно перезвон горного хрусталя в ледяной пещере.

Будто услышав ее, жрица посмотрела в их сторону, резко замолчала, оборвав на полуслове беседу с «воблой», и... низко поклонилась. Дьера в шляпе проследила за направлением взгляда своей спутницы, окинула цепким взором гробовщика, стоящего в гордом одиночестве, после чего отвернувшись, кивнула двум мужчинам, опекавшим нетрезвого третьего, и распорядилась проводить последнего к экипажу.

– У тебя три дня, чтобы все исправить, – перестав веселиться, сообщила координатор жнецов, она по-прежнему была рядом с Эдгардом, но оставалась невидимой для всех, кроме своих подопечных, служительниц храма Саймы и тех немногих, кого коснулся «поцелуй смерти» и... кто после этого выжил.

– Ты невероятно щедра, лучезарная, – улыбнулся бывший жнец, наблюдая, как тает, словно привидение, его собеседница.

Хотя почему же «словно»? Жнецы, заключившие контракт с богиней-сестрой Саймой, существовали как бы на грани жизни и смерти, передвигались по большей части в подпространстве и внешне напоминали именно призраков себя прежних. Белых, мерцающих, невидимых и неосязаемых... практически для всех.

«Все-таки соврала ведьма, – покачал головой гробовщик, равнодушно наблюдая за тем, как вырывается из рук своих спутников тот самый мужчина с помятой физиономией. Вырывается и падает на колени перед укрытой цветами могилой. – Надо было заплатить откупные, кретин, – глядя на него, подумал Эдгард. Затем отошел от клена, стряхнул со своего безупречного костюма несуществующие пылинки и, поудобней перехватив длинную трость со скрытой внутри шпагой, зашагал к катафалку, запряженному четверкой черных лошадей. – На Джимджеммайлу, значит, пал жребий храма! Ну-ну... Понятно теперь все. От перспективы десять лет на некрополях и поминках отходные бубнить кто угодно живым в гроб ляжет!»

Проходя мимо могилы с памятником, украшенным лиловой вязью орнамента, Дорэ поймал на себе задумчивый взгляд сидящей на скамье женщины. Она почему-то показалась ему знакомой, а еще слишком бледной и прозрачной для представительницы мира живых. Но мысли о странной дьере покинули голову мужчины, как только он добрался до своего экипажа. Немудрено ведь здесь призрак встретить – кладбище – оно и есть кладбище! Кто-то умер не в срок и потому не попал в заботливые руки жнеца, кто-то слишком грешил и потому боялся оказаться ужином пожирателя, а некоторые просто не пожелали менять свою бестелесную сущность на мифическое перерождение или вечный покой в эфемерных далях и поэтому всячески избегали встречи с посланниками Саймы.

¹¹ Жнецы душ – посланники Саймы, отправляющие души за полог.

Глава 2

На чердаке ПБ «Последний цветок»

Над городскими крышами медленно плыли облака. Лавки пестрели яркими витринами, пряничные¹² благоухали аппетитными ароматами, а различные салоны радовали глаз призывными вывесками, заманивающими посетителей. Люди сновали тут и там, радуясь теплым дням ранней осени. Кто-то спешил по делам, кого-то ждали в гости, кому-то просто хотелось окунуться в шумный мир торговых улиц или прогуляться по тихой набережной. А в стороне от мест, куда часто наведывались горожане, в проеме чердачного окна большого двухэтажного дома завязалась самая настоящая драка.

– Отдай, кому говорю! – ругалась ведьмочка, вырывая полотняный мешочек из лап крылатой обезьяны, облаченной в синий бархатный костюм.

– Чи-и-и-и-и-и-и-и! – верещал почтовик¹³, скаля свои хоть и мелкие, но довольно острые зубки и нетерпеливо подпрыгивая на широком каменном подоконнике.

– Ты уже сожрал пять орехов вместо одного! – возмущалась девушка, продолжая борьбу за предмет раздора. – Больше не дам! Неси письмо!

– Чи-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и! – снова взвыло противное создание, выпустив из когтистой лапки мешочек с последним орехом, чтобы потыкать корявым пальцем в пустующий шнурок на свитке, приготовленном к отправке.

Там должна была висеть бирка с адресом отправителя. Только ведьме, с трудом уговорившей гробовщика дать ей как работу, так и кров и еду, совсем не хотелось сообщать кому бы то ни было, где она поселилась. А жадная обезьяна настаивала на своем, корча наглые рожицы, хлопая кожистыми крыльями и противно вереща при этом. Конечно, по правилам почтовик не должен был доставлять такое письмо, но... далеко не все этим глупым правилам следовали. Анонимки давно уже стали обычным делом в Готрэйме. Главное, мохнатую рыжую лапку задобрить – и отправится тайный свиток к нужному адресату. Но кто ж знал, что именно этот молоденький с виду летун, подозванный специальным колокольчиком к окну, окажется таким жадным!

– А, морда рыжая, забирай! – Девушка швырнула в обезьяну последним орехом, решительно захлопнула окошко и, скрючившись, потерла ладонью поясницу, после чего со вздохом похромала к диванчику, приютившемуся у стены.

Многочасовое отскабливание похоронного бюро не прошло даром: все тело ныло, платье требовало не просто стирки, а визита в зельемагочистку¹⁴, чулки же можно было смело выбрасывать. Эх, с согласием на любую работу Джемма несколько погорячилась. Одно только приведение в порядок небольшого помещения по соседству с холодильной комнатой чего стоило! Зато после оттирания со стен, пола и даже потолка бурых пятен и непонятных засохших масс, напоминавших впечатлительной девушке мозги, все прочее воспринималось как сбор игрушек в комнате племянниц. Такие безобидные и несложные занятия: инструменты странные в горючке¹⁵ прополоскать; пустые ячейки разморозить; непустые по списку проверить;

¹² **Пряничные** – небольшие заведения на несколько столиков, где подают пряники (специальную выпечку со всевозможными пряностями, в том числе, из-под прилавка естественно, и с дурманящим эффектом), а также пирожки и горячие напитки.

¹³ **Почтовик** – крылатая обезьяна. Вид, специально выведенный для доставки писем и небольших посылок. Дежурят почтовики на крышах в ожидании вызова, питаются особым сортом орехов, которые можно приобрести только у хозяев почты. Обладают индивидуальным характером и интеллектом. Обучены грамоте.

¹⁴ **Зельмагочистка** – заведение, где чистят одежду от грязи и пятен специальными зельями, а в особых случаях и магией. Услуги эти довольно дороги и, как правило, применяются для меховых и парадных нарядов.

¹⁵ **Горючка** – жидкость с высоким содержанием алкоголя, название получила оттого, что превосходно горит. Используется для дезинфекции, а также в нагревательных приборах с аналогичным названием. Некоторые особо смелые дьеры умудряются

малость подпортившееся (если не сказать разложившееся) тело из барахлящей хладамеры в нормальную переместить, отвалившуюся в процессе руку на место приладить... Мелочи, угу!

А ведь она, уговаривая дьера Дорэ взять ее в помощницы, наивно полагала, что тут только марафет покойникам наводят, сколоченные на заказ гробы украшают да церемонии похоронные организывают. Ну, может, еще бальзамируют трупы по просьбам клиентов, не более того. Однако, ознакомившись в процессе работы с некоторыми «дивными» комнатками за тяжелыми дверями, обычно закрытыми на ключ, ведьмочка начала подозревать, что ее наниматель не обычный гробовщик, а еще и мастер вскрытия. Хотя, судя по перстню аза¹⁶ на его пальце да по странной тяге к одиночеству, могла бы и раньше догадаться, что он не так прост. Около десятка замороженных тел, числящихся в перечне лишь под номерами ячеек, а также подробные описания причин смерти и состава последней трапезы не оставляли места сомнениям. Неясным оставалось одно – с какой целью этот мрачный тип режет трупы на кусочки. И куда деваает потом? Неужели действительно варит?

Брр... мясное в этом доме лучше не есть.

Поморщившись от тошнотворной мысли, Джемма окинула взглядом небольшую комнату на чердаке ПБ, которую выделил ей «гостеприимный» хозяин, и устало улыбнулась. И правда, зачем всякие страшилки обдумывать, когда у нее есть повод для радости. Жаль только, что на уборку своей территории сил уже не осталось. Но завтра... или даже сегодня ночью, как только немного отдохнет и приготовит ужин, она непременно наведет здесь порядок. Хотя тут и так симпатично! Сюда бы еще книжек – пустые стеллажи заполнить, пару связок тряпичных летучих мышек на балках закрепить, любимую шкатулку-череп на полку поставить да котелок водрузить на стол у окна... Вот только все эти вещи остались дома, в ее личной комнате, отделанной в лиловых тонах магического дара. И если Джемма не хочет вернуться к тому, от чего сбежала таким оригинальным способом, ей стоит забыть и о черепе, и о книгах, и даже о мышах. Впрочем, их-то как раз можно будет купить у лавочника, как только появятся деньги.

А-а-а, к чирташу¹⁷ мышей! Этой милой комнатке под самой крышей не хватает в первую очередь платяного шкафа (желательно с содержимым нужного размера и подходящего для незамужней ведьмы фасона), а также нормальной кровати, ибо коротенький жесткий диванчик – далеко не лучший вариант для сна, разве что спать на нем сидя или сложившись буквой Z. Хотя второе из-за ноющей спины сейчас очень даже актуально. Видимо, раньше, при прежних хозяевах ПБ, в чердачной комнате с огромным окном был чей-то кабинет. Нынешний же владелец конторы, судя по следам, отпечатавшимся на толстом слое пыли, пользовался этим помещением исключительно из-за почтовиков, прикормленных к подоконнику. Оставалось надеяться, что письма дьер Дорэ пишет нечасто.

Дверь распахнулась, пропуская внутрь гробовщика, не затруднившего себя вежливым стуком.

– Прохлаждаемся? – с заметной угрозой в голосе произнес он.

Ведьмочка поспешно сунула под валик предательски пустой мешочек и вскочила с дивана, так и не сумев как следует выпрямиться. Ойкнула от боли, закусив губу и замерла, уставившись на работодателя.

– Я почти закончила... – начала оправдываться она.

Мужчина же, оценив ее скрюченную фигуру, хмыкнул и, стремительно приблизившись, развернул Джемму лицом к дивану. Та открыла рот, чтобы возмутиться столь бесцеремон-

ее даже пить!

¹⁶ **Аз, аза** – звание, получаемое чародеем, который достиг высшего уровня своего мастерства. Часто употребляется в качестве приставки к имени. Отличительным знаком аза является перстень с лауриком, который носится на указательном пальце. Цвет камня, в который чародей «вдыхает» частицу своей силы, соответствует цвету его дара. Но азы обычно предпочитают скрывать это, держа волшебный камень в прозрачном состоянии.

¹⁷ **Чирташ** – мелкий пакостный дух, имя которого часто упоминают как ругательство. Аналог: черт, лукавый, бес.

ным обращением, но вместо этого громко вскрикнула совсем по другой причине. Одной рукой гробовщик сильно надавил ей на поясницу, другой потянул ведьму за плечо. Раздался тихий хруст – и тело приняло нормальное вертикальное положение.

– Так лучше? – моментально отпустив ее, поинтересовался дьер Дорэ.

– Д-да, спасибо, – запинаясь, поблагодарила она и на всякий случай отступила к стене.

– Не за что! – ответил мужчина, складывая руки на груди. Он смерил собеседницу придирчивым взглядом, после чего заявил: – В твой лиловый гробик только прямолежащий труп войдет.

– Э... – выдавила его новоявленная помощница.

– Меня зовут дьер Эдгард! Могла бы уже и запомнить, ведьма, – продолжая гипнотизировать ее черными, как сама тьма, глазами, проговорил он.

– Я помню, – пробормотала девушка.

– Я рад. – Улыбка, игравшая на губах гробовщика, смотрелась зловеще. – Так что насчет гробика, дьера избранница Саймы?

Девчонка сглотнула, мужчина продолжил:

– Я не спрашивал тебя о подробностях, когда ты сказала, что сбежала от семьи, где тебе что-то там угрожало. Меня это просто не интересовало, дьера. Но! Будь ты хоть самой лучшей уборщицей и поварихой в Готрэйме, я не стану портить из-за тебя отношения с храмом Саймы и ее служителями. Это понятно? – Он чуть подался вперед, и, несмотря на то что расстояние между ними было в пару шагов, ведьмочка попыталась сильнее вжаться в стену.

Чем-то холодным и темным веяло от ее работодателя, и от этих неприятных флюидов хотелось как-то отгородиться. За неимением лучшего Джемма приложила к груди ладони и уверенно кивнула, выражая полное понимание.

– Варианта два: или ты решаешь эту проблему, или занимаешь застолбленное место на кладбище. Не поленись и лично зарое! – совершенно серьезно сказал дьер Дорэ. – И на этот раз без топора и сонного зелья, которыми тебя снабдили в «последний путь» доброжелатели. Еще и кол в сердце вобью для надежности.

– Да решаю я, решаю! – не выдержала его натиска ведьма. – В смысле решают... за меня. Честное волшебное, дьер гробовщик! – Она постаралась улыбнуться. Вышло, но не очень.

– Ну-ну, – покивал тот, наблюдая за ней, а потом совсем будничным тоном, в котором не было и намека на былую мрачность, произнес: – В кладовке должно быть что-то из одежды прежней прислуги. Приведи себя в порядок. Через полчаса пойдем на рынок.

Полчаса? Это переодеться, причесаться, навести маскирующую иллюзию на лицо – и все за полчаса?!

– Час! – крикнула она закрывающейся за ним двери.

– Сорок пять минут, дьера копуша. И ни мгновением больше! – донеслось из коридора.

– А если опоздаю, вы сварите из меня суп, дьер людоед? – пробормотала себе под нос девушка, совершенно не чувствуя при этом страха. Ведь не выставил он ее за дверь ночью, не сдал горгонам и не рассказал о ней дьеру Аттамсу, значит, есть шанс, что не выгонит и сейчас.

Странная атмосфера похоронного бюро и темная личность его владельца разжигали любопытство, а пусть гипотетическая, но все же возможность применять тут свои магические умения – почти вдохновляла. Но размышлять о перспективах было некогда – часы тикали, отсчитывая минуты, отведенные на сборы.

В то же время в другой части города

Окруженный ухоженным садом особняк в квартале Поющих Фонтанов радовал глаз свежей штукатуркой и сверкал идеально чистыми витражами. На шпиле декоративной башенки, украшавшей угол дома, сидел молоденький почтovníк и потирал лапкой лоб, на котором стремительно росла и наливалась синевой шишка. Воодушевленный успехом у отправителя свитка,

рыжий прохвост попытался и с получателя требовать дополнительное лакомство. Ну и получил, как говорится, на орехи! Да еще и палкой по голове приложили. И даже не пожалуешься никому на произвол озверевшей тетки. За доставку анонимок можно на трое суток в клетку угодить, а значит, и без любимой еды остаться. Но ведь номера, вышитого между крыльями на спине, никто не видел? Нет? Значит, и жалобу подать у жадины не выйдет! Ободренная этой мыслью обезьянка прыгнула с облюбованного насеста и полетела прочь, прислушиваясь, не зазвенит ли где-нибудь почтовый колокольчик.

Дьера Грэнна Ганн, спрятав свиток в карман траурного платья и поправив у зеркала свою широкополую шляпу, величаво спустилась на первый этаж и отправила восвояси двоих небогато одетых мужчин. Судя по письму, их услуги ей ночью уже не понадобятся. Да и сторожу кладбища платить не придется, что бесспорно приятно. Девчонка, как ни странно, сама справилась со своим воскрешением. И место, где прячется, указать не пожелала. Гордая? Или просто боится? Хм... похоже, подопечная Этьена не такая глупая, как казалась, раз хватается мозгов на страх! Ну ничего, ничего... пусть прячется. Если надо будет – найдется. А вопрос с храмом все же нужно решить до конца дня. Не хватало еще, чтобы служительницы Саймы явились с претензиями к безутешному опекуну этой недопокойницы. Он ведь тот еще псих! Заподозрит неладное, бросит с горя пить и... кинется искать девчонку. А кому это надо?

Дьере Ганн такой расклад точно был не нужен. Она прекрасно знала, что деньги могут если не все, то многое. Потому договорилась о тайной аудиенции с главной жрицей храма, чтобы внести в казну Саймы положенную сумму выкупа за сбежавшую ведьму. Грэнна ведь обещала решить этот вопрос Джимджеммайле – юной тетушке ее очаровательных внучек. А слов на ветер эта женщина не бросала. Довольная тем, как осуществляется ее план, дьера вышла на массивное крыльцо, чтобы полной грудью вдохнуть чистый осенний воздух и счастливо улыбнуться.

Слуги при виде этого выражения на лице хозяйки постарались слиться со стенами. Именно так она улыбалась, когда ее четвертый муж, чью фамилию она сейчас носила, недобрал два голоса, чтобы попасть в городской совет. Именно так она улыбалась после поминок по нему же неделей позже. И очень похоже улыбалась, угощая домашней наливкой жену градоправителя полгода назад. Недавно овдовевшего градоправителя, которому так нужна теперь рядом «умная и понимающая женщина».

Тем же днем

Улица, где находился дом дьера Дорэ, была довольно тихой, но отнюдь не бедной. В основном там располагались частные дома зажиточных горожан, ну и немного контор, которые занимали нижние этажи и подвалы, в то время как наверху были жилые помещения хозяев. Но стоило немного пройти в направлении центра Готрэйма, пару раз свернуть, а потом пересечь небольшой каменный мост с высокими перилами – и картина спокойного района сменялась буйством красок, звуков и запахов.

Ряды длинных двухэтажных зданий тянулись по обеим сторонам торговых улиц. Внизу поблескивали золочеными переплетами сплошные витрины из цветного стекла, выше находились квартиры, чьи окна также украшали пестрые витражи, над ними – мансарды с массивными подоконниками для почтовиков и закрепленными на стене ящиками для принесенных ими посланий. Разноцветная черепица покрывала многоскатные крыши, над которыми возвышались большие каменные трубы. Фонари и еще по-летнему пышная растительность со слабой примесью алого и рыжего в зеленых кронах отделяли проезжую часть улицы от тротуаров, по светло-желтым плитам которых сновали люди... много людей! Разных: от напыщенных модниц, спешащих за новым нарядом или шляпкой, до строго одетых дьер и дьеров, идущих по делам.

Были тут и простые фермеры, приехавшие в город из соседней деревни, и облаченные в форменные цвета студенты, сбежавшие пораньше с занятий, и циркачи, стремящиеся заработать своим искусством, и воры с бродягами, желавшие пополнить на халяву карманы. На таких улицах возможно было встретить кого угодно: от рядовых горожан до самых выдающихся обитателей Готтрэйма. Здесь всегда кипела жизнь и продавалось все, что душе угодно. А еще тут было просто приятно прогуливаться, глаза на пестрые витрины, оформленные в соответствии с ассортиментом лавок, и не спеша поглощая мороженое, купленное на лотках, украшенных яркими синими лентами с символикой кондитерской, где оно изготавливалось. Джемма раньше очень любила подобные места. Сейчас же она предпочла бы любоваться торговыми рядами из большого окна на чердаке ПБ. Оттуда было видно далеко не все, но мост и часть одной из бойких улочек вполне просматривались.

– Куда прешь, разиня? – рявкнул на ведьмочку крупный мужик в потрепанной серой куртке и прослужившей не один год мятой шляпе.

– П-простите! – пискнула в ответ она, с трудом удерживая обеими руками громоздкую корзину, которой только что задела ногу хмурого прохожего.

– У-у-у, поганка! – скривился мужчина, зло глядя на нее. Бледная курносая мордашка девушки с россыпью светлых веснушек и почти сливающимися с кожей бровями явно не прибавила симпатии. – Сапог поцарапала, дуреха белобрысая!

– Я... мм... – делая осторожный шагок назад, невнятно промычала виновница происшествия. Растерянно хлопая чуть рыжеватыми ресницами, обрамлявшими тускло-голубые глаза, она принялась озираться по сторонам, словно искала кого-то.

– Проблемы? – вмешался в диалог подошедший сзади гробовщик. Он был в безупречном черном костюме и начищенных до блеска ботинках. Смерив грубияна недобрый взглядом из-под полей низко надвинутой на лоб шляпы с серебряной пряжкой в виде креста, он небрежно перекинул из руки в руку трость с массивным набалдашником. Именно в таких безобидных с виду «палочках» большинство совершеннолетних горожан мужского пола предпочитало носить «жала» – длинные тонкие шпаги с гибким, но очень острым и прочным лезвием. Их создавали маги металла, которых обычно называли серыми из-за цвета дара.

– Никаких проблем! – Оценив исходящую от незнакомца тихую угрозу, вредный мужик поспешил обратиться подальше вместе со своим пострадавшим сапогом.

– Ну и какая от тебя польза, Джемма? – вздохнул, поправляя отворот перчатки, дьер Дорэ. – Полчаса на рынке, а ты уже дважды потерялась, чуть не угодила под колеса проезжающего экипажа, схлопотала дверью по лбу, нарвалась на агрессивного бугая и... – Он угрожающе сдвинул брови и зловеще продолжил: – Оттоптала мне ногу!

– Ой, простите, дьер Эдгард! – отпрыгнув от него на шаг, выпалила девушка. – Я не специально! Просто вы очень быстро ходите и подкрадываетесь тихо. А тут еще эта корзина, улица шумная... Извините! Ботинки я вам потом почищу, честное волшебное! – заверила светловолосая ведьма, стиснув тонкими пальчиками ручку тяжелой корзины.

Мужчина прищурился, глядя на нее. Эта белая моль в обносках его бывшей служанки очень мало напоминала ту лиловую ведьмочку, что он обнаружил в гробу прошлой ночью. У настоящей Джимджеммайлы Аттамс были густые каштановые волосы до середины лопаток, миловидная мордашка с хитрыми зелеными глазами и чувственные сочно-розовые губы, цвет которых не истаял после того, как ведьма сняла с себя иллюзорный макияж, делавший ее похожей на свежего зомби. Девушку же, что стояла напротив, можно было смело назвать «пустым местом», настолько невзрачно она выглядела. Блондинка с мелкими чертами лица, самой примечательной из которых был чуть курносый нос. Тонкие белые косички ее падали на плоскую грудь, заметно уменьшившуюся в сравнении с оригиналом, а коричневое платье висело на плечах, как на вешалке. У истинной Джеммы фигурка хоть и была довольно хрупкой, но приятные мужскому глазу округлости в нужных местах присутствовали. А у этой... м-да. Судя

по результатам, которых девчонка умудрилась добиться за сорок пять отведенных на сборы минут, она была талантливой лиловой ведьмой, умело использовавшей и свой природный дар, и уроки преподавателей.

– А что не так с корзиной? – чуть морща лоб, поинтересовался гробовщик.

– Так это... – «Блондинка» потупила глазки и принялась ковырять носком лакированной туфли тротуар. – Тяжелая она.

– Тьфу ты! Связался на свою седую голову! – преувеличенно печально вздохнул владелец ПБ. Джемма невольно посмотрела на его черные как смоль кудри, на затылке доходящие до середины шеи, и недоверчиво хмыкнула. – Корзина ей тяжелая! – продолжал ворчать мужчина. – За покупками тебе ходить, раз захотела у меня работать. Так что привыкай, неженка! Надеюсь, память хорошая? – Он тростью указал на противоположную сторону улицы и продолжил: – Гвозди будешь брать только у дьера Джи.

– Угу! – послушно кивнула ведьма и поспешила вслед за двинувшимся дальше хозяином.

Приноровиться к его широкому шагу ей никак не удавалось и приходилось время от времени бежать, чтобы не потерять из виду широкую спину, обтянутую черной тканью удлиненного пиджака. Пестро одетая толпа расступалась перед ним и, увы, тут же смыкалась, усложняя Джемме передвижение. А проклятая корзина немилосердно оттягивала руки, мешая получать удовольствие от прогулки. Раньше дьера Аттамс обожала походы за покупками. Но посещение торговых рядов в компании подружек сильно отличалось от нынешнего. Ведьмочка с тоской посмотрела на трех девчонок в остроконечных шляпах, полосатых чулках и изумрудных платьях с черными корсетами. Травницы с зеленого факультета местной школы ведьм. Наверняка младшекурсницы. Веселые, свободные... у них впереди беззаботные студенческие деньки, о которых Джемма теперь могла только вспоминать. Звякнув колокольчиком, закрылась дверь обувной лавки, куда зашла смешливая компания ведьмочек с зеленым даром, а новая помощница гробовщика перевела грустный взгляд на собственные ноги.

«Брр... грязно-коричневый! – Она аж плечами передернула от отвращения. Все оттенки коричневого относились к форменной одежде прислуги, а также к магам земли с даром того же цвета. – Унылый колер древесной коры... Безобразие, а не чулки! – мысленно возмутилась ведьма. – Да и туфли неразношенные натерли ноги. Эх... А это ужасное платье? Неудивительно, что и торговцы, и покупатели смотрят на меня как на тень! Кому придет в голову обращать внимание на невзрачную служанку?»

С одной стороны, это было хорошо. Не зря же Джемма полчаса перед зеркалом над новым «лицом» трудилась. Хорошо получилось, да! Сколько б гробовщик ни хмыкал при виде ее измененной внешности, зеркало не обманешь. Никто из знакомых теперь не окликнет при встрече, да и тот, от кого она в бега подалась, не узнает. Хотя он как раз может... Особенно ее! Слава Марне, что район, где располагается похоронное бюро, находится на другой стороне их славного города. Пересечься с Этьеном Аттамсом здесь практически невозможно. Но до чего же все-таки обидно вот так сразу превратиться из симпатичной ведьмочки в унылое ничто! «Блондинка» тяжело вздохнула, поудобней перехватив корзину, и принялась выискивать в толпе пропавшего из виду хозяина.

«А эти лавки, куда так тянет дьера гробовщика?! – продолжала ворчать про себя девушка. – Гвозди, молотки, искусственные цветы, зелья подозрительные, инструменты странные... Нет чтобы в приличное место заглянуть! Например, сюда!» – Девушка застыла у витрины, жадно разглядывая свисающий с кресла ворох чулок. Разноцветные, разной плотности, однотонные, с рисунком... полосатые! Она невольно слотнула, любуясь ими. Всем дьярам до замужества разрешалось носить юбки выше колен, и они просто обожали чулки. Джемма тоже не была исключением. Как обладательнице лилового дара, ей полагалось во время учебы и работы (да и в другое время тоже, если было на то желание) надевать полосатые чулки соответствующей расцветки. Девушки, не являвшиеся волшебницами, ходили в однотонных с узором

или без. Замужние – в каких угодно, ибо из-под подола длиной до самых щиколоток мало что видно. Хотя по негласным правилам женщины, вступившие в брак в храме триумвирата, тоже придерживались чулочных традиций.

– Джемма! – донеслось до нее с другой стороны улицы.

Девушка бросила прощальный взгляд на витрину и рванула к хозяину. В попытке не наступить на чинно вышагивающую по тротуару кошку, она снова отдала кому-то ногу, извинилась и побежала дальше. Лучше гнев прохожего, чем недовольство магически одаренного животного! Коты в Готтрэйме и за его пределами по праву считались существами уникальными. Они обладали изворотливым умом, независимым характером и особым зрением, недоступным людям. Потому, наверное, именно кошки зачастую являлись компаньонами ведьм и колдунов. У Джеммы до ее фальшивых похорон тоже была кошка. Только взять четвероногую подругу с собой в гроб и обречь на последующие скитания девушка не рискнула. В доме дъера Аттамса о ней позаботятся куда лучше. Да что там... муж сестры превратит жизнь Вишенки в сказку и лично будет приносить ей свежих мышек на завтрак, обед и ужин. Ведь это не чья-то кошка, а ее, Майлы, как любил называть Этьен свою подопечную. Ведьмочка на секунду зажмурилась, вспомнив черты мужчины, от которого бежала с еще большим рвением, нежели от служения в храме богини-сестры. Если второе можно было решить с помощью откупа, то с первым все было куда сложнее.

Хватит! Ее теперь зовут не Майла и даже не Джимджеммайла, а просто Джемма! И фамилию она возьмет ту, которая была у нее до оформления опекунства. Только удостоверится, что дъера Ганн уладила вопрос с храмом, заработает немного денег и... закажет у мастера-артефактора новый медальон, удостоверяющий личность. К чему вообще надо было давать ей фамилию Аттамс? Глупость! Мало кто это делает, а он, став ее опекуном, зачем-то поступил именно так. И она, пребывая в трауре по сестре, легко согласилась с тем, что они теперь одна семья и фамилия у всех должна быть одинаковая. Но нет больше той Майлы... нет, и точка! На Южном кладбище она покоится в лиловом гробу. Вернее, там похоронена ее прошлая жизнь!

Дьер Дорэ укоризненно покачал головой, когда ведьмочка наконец до него добралась, однако на сей раз промолчал, отомстив иначе. Небольшой сверток, опущенный им в корзину, сделал ее практически неподъемной. Девушка чуть не выронила свою ношу, но, кряхтя и пытаясь, словно древняя старушка, приготовилась стойко тащить отяжелевшее лукошко дальше.

– Что ж ты хилая-то такая? – насмешливо протянул гробовщик, наблюдая за ее стараниями. – Да и дар у тебя... бездарный! Лучше бы ко мне синяя или красная ведьма попала. Не знаешь, на этой неделе никого с факультета стихийников хоронить не собираются? А то вдруг повезет, и я в гробу более подходящую безработную недопокойницу найду.

Девушка угрюмо помотала головой и скорчила рожицу пожалостливее.

– Ладно, поставь корзину и жди меня здесь, немощь бледная. – С этими словами Эдгард исчез за непрозрачной дверью лавки.

Джемма тут же приободрилась и принялась с удовольствием осматриваться. Витрины, вывески, экипажи – ей нравилось все. Главное, на свое отражение случайно взглядом не наткнуться, а то сразу настроение портится. И парням не улыбаться по привычке – а то они на эту личину «белой поганки» только кривятся. И, как назло, симпатичные попадаются. А вон тот рыжий, с зелеными глазами и длинными ресницами, так и вообще красавец! Дорогой костюм, ухоженные волосы, стянутые в короткий хвост, и манеры такие... аристократические. Явно мальчик не из бедных, возможно, даже сынок кого-то из местной знати. Эх, и где он был, когда Джемма еще сдавала выпускные экзамены в школе ведьм и делила с подружкой комнату в общежитии, не зная, что ждет ее после возвращения домой. Словно почувствовав пристальный взгляд, парень медленно обернулся.

«Ну вот, сейчас ка-а-а-ак скривится, будто что-то кислое съел, – уныло предположила девушка, но, вопреки ее ожиданиям, рыжеволосый чуть прищурился, скользя взглядом по

фасаду за «блондинкой», по людям за ее спиной, и... остановился на Джемме. Нарочито медленно поправил рукой, затянутой в белую перчатку, отворот черного пиджака с какой-то изящной нашивкой, разглядеть которую ведьмочка со своего места не могла. А потом улыбнулся странной, загадочной улыбкой, превратившей его и без того красивое лицо в необыкновенно притягательное. Девушка даже дышать перестала, зачарованно глядя на незнакомца. А тот подмигнул ей и, махнув на прощанье, скрылся в арке.

– Перегрелась? – раздался за плечом голос гробовщика.

– А? – с трудом вырвавшись из плена приятных мыслей, произнесла ведьмочка.

– Чего улыбаешься, как пришибленная? Перегрелась, говорю? Ничего, в холодильной в себя придешь! – как-то слишком уж зловеще прошипел Эдгард и тоже улыбнулся, но, в отличие от рыжего красавчика, мрачно-предвкусшающе, словно задумал какую-то гадость.

«Неужели опять полы мыть заставит в надежде, что я воспользуюсь последним пунктом составленного ночью контракта и сама от него уйду? – загрустила Джемма. – А вот и нет, дьер гробовщик! Работой ты меня не напугаешь, трупами тоже... разве что приставать начнешь, хотя и эту проблему можно решить, если будет желание». – Она смерила его оценивающим взглядом, но, заметив, как черная бровь мужчины вопросительно приподнялась, быстро переключилась на стоящую у ног корзину.

На вид дьеру Эдгарду было лет тридцать пять – сорок. Внешностью он обладал не отталкивающей, хоть и несколько мрачноватой из-за черной одежды и обычно угрюмого выражения лица. Будь сердце ведьмочки свободно, она бы наверняка заинтересовалась этим мужчиной, сейчас же ей не хотелось даже думать о возможности таких отношений. Наемница и работодатель – идеальный вариант! А если гробовщик все же попытается перейти границы дозволенного, что ж, она всегда сможет отправиться искать счастья на материк или... сдастся на милость победителя, который, в отличие от дьера Аттамса, копию покойной жены в ней не увидит! Последняя мысль причинила почти физическую боль и пробудила тоскливые воспоминания. Как он там... дурак упрямый? А как девочки?

– Домой пошли, бесполезная ты моя! – скомандовал гробовщик голосом далеким от того, который предпочитают воздыхатели в общении с будущими пассиями.

Легко подхватив корзину с покупками, он зашагал вниз по улице. Ведьмочка, опомнившись, бросилась следом. Она была счастлива, что не ей приходится тащить эту громадину. А еще потому, что недавние опасения беспочвенны, ибо дьера Дорэ куда больше интересуют гвозди да покойники, нежели ее женские прелести. А может, причина ее хорошего настроения крылась в многообещающей улыбке незнакомого юноши, напомнившего Джемме о беззаботных годах, когда все мысли ее вертелись вокруг учебы и вечеринок, устраиваемых женской и мужской школами магов и ведьм. Отчего-то в душе жила уверенность, что встреча с рыжим отнюдь не последняя, и это интриговало.

В доме дьера Дорэ

Эдгард, достав со стеллажа коробочку с особо стойким гримом, задумчиво повертел ее в руках, глядя на голубоватый оттенок испещренной морщинами кожи одной из усопших, которым следовало завтра утром выглядеть наилучшим образом. Ведь это будет последний парадный выход в их жизни. Две старушки-близняшки прожили долгую жизнь и, как часто бывает с единорожденными¹⁸, умерли в один день, дружно подавившись косточками из вишневого компота. Совпадение, конечно, навевало подозрения, но уверенные в воле судьбы потомки предпочли дорогому расследованию такие же недешевые похороны, тем самым сэкономяв, ибо обряд погребения старым любительницам вишни проводить бы все равно пришлось. Будь бабушки моложе семидесяти пяти лет, причины их смерти выясняли бы городские власти, но... обе

¹⁸ Единорожденные – близнецы, двойняшки.

женщины разменяли уже девятый десяток, потому их случай мало интересовал горгон. А вот гробовщик, признаться, подумывал над тем, чтобы приглядеться к старушкам повнимательней. Причем не только снаружи, но и изнутри.

Вскрывать тела ему приходилось в трех случаях. Первый – в завещании покойного клиента содержалось его желание быть забальзамированным, чтобы покоиться в прозрачном гробу среди предков в фамильном склепе. Второй – в ПБ с таким невинным с виду названием «Последний цветок» являлись немногословные дьеры в черной форме с золотыми нашивками Городских Гончих и, передав Дорэ тело вместе с сопроводительными бумагами, так же молча покидали контору. Третьим пунктом, из-за которого гробовщик мог достать из тайника свой черный саквояж с набором идеально заточенных сверкающих инструментов, было его собственное любопытство. Как, например, сейчас... в присутствии двух бесповоротно мертвых дьер, которых якобы убила вишня. Однако на все требовалось время, а ему этих самых дьер еще нужно было загримировать, причесать, одеть и обложить цветами, за которые заплатили родственники. Невольно вспомнилась бледная личина нанятой ночью ведьмочки.

А может, не стоит ограничивать ее обязанности работой кухарки и прислуги? Ведь и дураку понятно, на что девчонка рассчитывала, набиваясь к нему в помощницы. Усопших она не боится, как показало испытание уборкой. Желудок тоже вроде у нее крепкий, во всяком случае, зеленела во время наведения чистоты в рабочих помещениях ведьма только поначалу, а потом, как говорится, даже во вкус вошла. Бормотала себе под нос какую-то песенку и трудилась на благо нового работодателя, упорно доказывая, что ей море крови по колено и горы трупов по плечо. Упорная девочка. Эдгард уважал таких.

Положив коробку с гримом на стол рядом с одной из умерших сестриц, мужчина покоился на вторую – ту, что возлежала на каталке чуть поодаль, затем на потолок с ярко горящими лампами, заправленными свежей порцией свели. Так уж получилось, что кухня в доме располагалась как раз над комнатой, где он сейчас находился. И, несмотря на толстые стены и перекрытия, очередной концерт колдующей над плитой ведьмочки был слышен даже здесь. Слава Марне, медведь Джемме на ухо не наступил: голос у нее был довольно приятный, да и ритм она ловила хорошо. Но привыкшему к тишине гробовщику ее песни в стенах похоронного бюро все равно казались несколько... неуместными.

– Позвать или не позвать? – спросил мужчина лежащую на столе покойницу. Та, естественно, промолчала. – Глядишь, будет и от лилового дара польза, – продолжал рассуждать он вслух.

Хотя при таком раскладе девчонка вполне могла прописаться тут навечно, довольная возможностью практиковать полученные в школе ведьм знания на мертвецах. А он не хотел оставлять ее надолго. Он вообще не желал чужого присутствия в его личном храме смерти. Только он... и покойники. Идиллия! А тут бегают по лестницам живое существо в полосатых чулках, песни мурлычет, орудуя шваброй, спину от усердия надрывает... Ну к чему ему это чудо лиловое в доме? Вот приедет его соседка, почтенная Рива Бланш, с континента, куда отправилась ухаживать за захворавшим внуком, и все снова вернется на круги своя. Она будет приносить ему горячую еду дважды в день, раз в неделю наводить порядок в доме, не задавая лишних вопросов и не напевая ничего при этом, а он – щедро оплачивать ее услуги. А пока пожилая дьера в отъезде, выполнять ее обязанности вполне может и ведьмочка.

Поэтому, наверное, он и не выставил Дjemu за дверь еще ночью. Решил, раз уж судьба послала ему этот подарочек в лиловом гробу, то пусть все идет своим чередом. Девушке, судя по сухому рассказу о сложных отношениях в семье, нужно было место для укрытия, ему – временная домработница. Так что, можно сказать, они нашли друг друга. А когда надобность в Джемме отпадет, Эдгард придумает, как выжить ненужную больше служанку со своей территории, не нарушая при этом рабочий контракт. У каждого есть слабые места, у девочки-

выпускницы с лиловыми тараканами в голове тем более. Пока же пусть поет птичка. Эх... а хорошо все-таки поет!

Перестав изучать потолок, мужчина вернулся к ждущим своей очереди покойникам. Просить ведьмочку заняться их внешностью он не станет. Зачем давать ей ложную надежду. А вот зарядить прозрачную пыльцу из лаурита ее чарами, чтобы добавлять в грим, шампуни и кремы, купленные в лавке травников, – это да. Надо же извлекать пользу даже из такого дара, как иллюзии. Улыбка, гостившая на губах брюнета, из благодушной превратилась в мрачную.

Лиловых ведьм дьер Дорэ не любил. Потому что чуть больше десяти лет назад именно из-за особы с таким цветом магии он перестал быть жнецом – собирателем душ и верным служителем Саймы. Но вопреки своей стойкой антипатии к носительницам лилово-черных чулок и остроконечных шляп, недопокойница с топором вызывала скорее легкое любопытство, нежели раздражение. Это ходячее недоразумение слишком сильно отличалось от той ведьмы, знакомство с которой разрушило привычный уклад жнеца, влюбленного в свою профессию. Деятельность гробовщика в мире живых была лишь жалким суррогатом его прошлой жизни. Прошлой... Эдгард вздохнул, присаживаясь на край стола рядом с растрепанной старухой. Он провел рукой по ее белым волосам, словно прикидывая, как лучше их уложить.

Дар, которым обладал дьер Дорэ, был дымчато-серым и... довольно редким. К магам металла гробовщик не имел никакого отношения. Серый цвет их силы больше походил на сталь, чары же магов душ, к которым относился Эдгард, имели бледный голубовато-серый оттенок. Сложный, составной, штучный. Именно такие колдуны могли, доведя до совершенства свои магические способности, стать жнецами. Если, конечно, на них падал выбор Саймы. В обычной же жизни их талант был, мягко говоря, бесполезным, ибо влиял исключительно на призраков, чьи неупокоенные души досаждали живым. Свель, заряженная подобными чарами, отлично отпугивала или, напротив, притягивала полупрозрачных приставал, но... не более того.

Эдгард, решив для ночных развлечений со скальпелем оставить тело второй клиентки, уже успел привести в надлежащий вид первую, когда деревянный молоток на стене ударился о такую же деревянную тарелку, издав глухой «бом!». Прикрепленный к его рукоятке шнур змеился вверх по стене, исчезая в потолочном отверстии. «Бом! Бом!» – снова повторил этот своеобразный гонг. Кто-то у черного хода проявлял нетерпение, и хозяин ПБ прекрасно знал, кто именно. На смуглом лице мужчины сверкнула хищная улыбка, в глазах зажегся огонек нетерпения. Гробовщик быстро убрал обратно на стеллаж рабочие материалы и инструменты, после чего отправился встречать незваных, но всегда желанных гостей. Дверью, выходящей во внутренний двор, пользовались только он сам, горгоны, с ними у дьера Дорэ было несколько лет назад заключено официальное соглашение о сотрудничестве, и та самая приходящая домработница, которой сейчас не было в городе. Именно сквозь ее дом проходила единственная ведущая на улицу арка, закрытая глухими воротами, отпиравшимися только специальной печатью.

С соседкой Эдгарду необыкновенно повезло. Женщиной она была немногословной и нелюбопытной. Ее совершенно не волновало, что именно и кто проносит в общий для двух домов дворик, пока дьер гробовщик любезно позволяет ей и на его половине земли разводить обожаемые старушкой каракусы¹⁹. К тому же не узнать форму Городских Гончих дьера Бланш не могла, даже невзирая на слабое зрение. А связываться с законниками – себе дороже! Да и сосед заработком дополнительным обеспечивал. Чем не безоблачная старость? А что покойников у него полон дом, так это же ерунда! У сестры вон через улицу лавка мясника под боком

¹⁹ **Каракусы** – небольшие шарообразные растения, сплошь покрытые ядовитыми колючками.

и веселый дом²⁰. Вонь от протухшей крови и полчища мух ей досаждают круглосуточно, да еще и визги-вздохи до самого утра спать не дают – и это все в приличном-то квартале!

В то же время на кухне

Ведмочка вовсю колдовала над плитой. Именно колдовала! Потому что иначе назвать этот процесс язык не поворачивался. К готовке Джемма всегда относилась творчески. Конечно, если изо дня в день варить кашу строго по рецепту, впору взвыть от скуки, но можно ведь и иначе. Покружиться вокруг стола, выстукивая на пустой сковородке незатейливый мотив. Зажмурившись, наугад схватить с полки баночку со специями и сыпануть от души в кастрюлю, а потом еще из парочки пузырьков добавить... и вот эту загадочную травку обязательно. Трижды провальсировать туда-сюда вдоль плиты со скалкой в качестве кавалера. Пяткой захлопнуть открывшуюся от этих плясок дверцу духовки. Скорчить рожицу своему отражению на гладком боку начищенного до блеска чайника. Пожонглировать ложками (ножами не стоит!). Да мало ли развлечений на кухне? А если все это еще и песенкой сопроводить... Мм... Красота! А получится не слишком съедобное блюдо, так всегда можно чуть-чуть вкусовой иллюзией подправить. Хоть это и не ее специализация была в школе ведьм, но основы этого предмета Джемма знала.

Впрочем, прибегать к настоящим чарам в вопросах кулинарии девушке приходилось крайне редко. Обычно еда выходила из-под ее умелых рук невероятно вкусная, а еще зачастую совершенно уникальная, ибо повторить свое творение ведмочка просто не могла. Вот и сейчас загадочное варево из того, что купили на рынке, и продуктов, что нашлись на кухне, аппетитно булькало на слабом огне. И пахло это нечто тоже ну о-о-очень соблазнительно. Как там говорят? Путь к сердцу мужчины лежит через желудок? Что ж... надо проверить! А то прежде Джемме приходилось баловать своей готовкой только подруг-ведьм в общежитии, в доме же Аттамсов полноправной королевой кухни была экономка дьера Валия.

Приоткрыв ведущую в небольшой коридорчик дверь, девушка так и застыла с половником в руке. Прямо перед ее глазами оказалась широкая мужская спина в черной кожаной куртке с вытисненным посередине гербом Готрэйма. А повязанный на голову косырь²¹ и тройная нашивка на рукаве отметали всякие сомнения насчет должности незнакомца – нэрл!²² В дом пожаловали горгоны! Неужели бабушка не оплатила откупные храму Саймы и они пришли за ней? Или за хозяином? Ведмочка сглотнула, отступая назад. Мысленно возблагодарив сразу весь триумвират за нескрипучие петли, оставленные под столом туфли и удачную позу визитера, Джемма тихонько прикрыла дверь, оставив лишь небольшую щелочку для наблюдения. А посмотреть было на что.

Нэрл повернулся боком, открывая девушке обзор, и отрывисто скомандовал: «Заносите!» Два молоденьких нэрлиса, чье низкое звание наглядно демонстрировали лишенные нашивок рукава, прошагали по коридору с носилками, накрытыми простыней. Под тонкой белой тканью легко угадывалось человеческое тело. Начальник отправился за ними, и вся скорбная процессия скрылась за дверями хозяйского кабинета.

²⁰ **Веселый дом** – бордель.

²¹ **Косырь** – головной убор в виде кожаной косынки, повязывается на лоб. Часть формы горгон, защищающая лоб от порезов, а волосы от захвата в рукопашном бою.

²² **Нэрл, нэрлис** – звания горгон. Нэрл – офицерский чин, в его распоряжении, как правило, несколько подчиненных. Нэрлис – самый младший чин, аналог: констебль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.